

УДК 81'2781'13

МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ¹

Екатерина Сергеевна Худякова

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. khudiakova.es@gmail.com

Екатерина Владимировна Пепеляева

младший научный сотрудник кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. ek_pepelyaeva@psu.ru

В статье представлены три лингвистические методики анализа, которые могут использоваться для изучения церковно-приходской субкультуры. На основе когнитивного подхода к субкультуре предлагается методика анализа категориальной базы информантов (прямо фиксирующая тип интерпретации реальности, свойственный членам субкультуры), методика анализа схем наррации (показывающая усвоенные в рамках субкультуры модели текста) и методика анализа специального лексикона (реализующего категории). Показано, что лингвистические методы могут быть надежным инструментом исследования субкультурных образований.

Ключевые слова: церковно-приходская субкультура; лингвистические методы; когнитивная социология; категория; схема наррации; лексикон.

Размышляя о современной российской православной религиозности, А. Агаджанян и К. Русселе отмечают, что «в начале XXI в. и вся Церковь в масштабах страны, и отдельный приход в масштабах местного сообщества, существуют как особые субкультуры на фоне преимущественно секулярного общества» [Агаджанян, Русселе 2011: 9].

Т.Б. Щепанская, пытаясь дать определение субкультуры в своей работе по молодежным субкультурам, отмечала множественность подходов к пониманию культуры. Акцентирование знаковых признаков дает определение культуры как «общности менталитета, символики, культурного кода», акцентирование поведенческих признаков дает «понимание культуры как общности обычаев, ритуалов, норм, моделей и стереотипов поведения» [Щепанская 2004: 29]. Кроме того, возможно рассмотрение культуры через призму социальных условий ее существования, как механизма передачи традиции и адаптации человека к социальному и природному окружению и так далее. Для целей своего исследования Т.Б. Щепанская избрала коммуникативную модель культуры, включающую средства коммуникации (знаки и символы) и определенную конфигурацию каналов коммуникации (свя-

зей). Субкультура трактуется ею как подсистема национальной культуры. «Понимание (суб)культуры как коммуникативной системы... позволяет охватить не только знаки и символы, но и их социальный контекст, так чтобы можно было сделать заключения о способах их взаимодействия. Для технических же целей можно дать более компактную формулировку, определив субкультуру как знаковую и нормативную систему, способную к самовоспроизводству и относительно автономную в рамках более широкой системы культуры» [там же: 30–31]. Субкультуре свойственно воспроизведение нормативного комплекса и трансляция традиции.

Современная религиозная православная субкультура в России становилась предметом интереса антропологов, фольклористов, социологов. А.В. Тарабукина в своей диссертации «Фольклор и духовная культура “церковных людей”»: опыт исследования современного фольклора» проанализировала «мыслительно-“художественные”» и поведенческие стереотипы «прихрамовой» среды, которые отражали «представления “церковных людей”² о мире, а также способы познания, не отрефлектированные самими людьми» [Тарабукина: электр. ресурс]. Субкультуру современного прицерковного круга, или «прихрамовой»

среды, формируют «современные православные верующие в России, полностью подчинившие свою жизнь жизни церковной и ограничившие свой круг общения, а по возможности, и свой круг деятельности церковной оградой» [там же]. Внешний облик и манера поведения позволяют безошибочно узнавать представителя «прихрамовой» среды: «“церковных” женщин отличают платки, длинные одинакового свободного покроя юбки, закрытая одежда. Мужчин – бороды, часто – длинные, завязанные сзади волосы... Выделяет “церковных людей” и тихая, подчеркнуто скромная речь, избыливающая церковной лексикой, формулами самоуничижения и проч. Обязательны и опущенные “долу” глаза» [там же]. Эта группа разнородна по социальному составу и образовательному уровню, но характеризуется как «общность, выработавшая жесткие каноны поведения, обладающая иерархической структурой и, что важнее всего, единым дискурсом» [там же]. В иерархии группы исследователь выделяет три ступени: «самая низкая – “неофиты”, люди, недавно вошедшие в структуру; основной слой – собственно “церковные люди”; элита – монашество и старчество» [там же]. Этой субкультуре свойственна ориентация на монашеский аскетический идеал, «миросозерцание проникнуто мистицизмом, который основывается на православном эзотерическом учении» [там же], в связи с чем сильны эсхатологические настроения. Причастность к тайному знанию консолидирует эту группу, одновременно отделяя ее от других, пусть православных, но «мирских» людей. Автор подчеркивает, что сами «церковные люди» не считают других православными. Повидимому, в современной православной субкультуре можно выделить ядро и периферию; именно ядро, наиболее автономное от культуры мирской, и исследует А.В. Тарабукина.

М. Ахметова в книге «Конец света в отдельно взятой стране» заимствует термин «прихрамовая среда» для обозначения одной из автохтонных российских религиозных субкультур, хотя и отмечает его условность. Условность связана с наличием большого количества мелких групп с несовпадающей идеологией (православные монархисты, антиглобалисты, националисты), которые объединены православным мистическим видением мира [Ахметова 2011: 15–16].

В любом случае прихрамовая среда составляет лишь часть такой большой группы, как православные верующие, поэтому Б. Кнорре в своей статье, посвященной осмыслению «внутриприходского коммуникативного языка» православных, использовал понятие церковно-приходской субкультуры. Таким образом исследователь обо-

значил комплекс «наиболее характерных психологических и ценностно-поведенческих установок, проявляющихся у вовлеченных в церковно-приходскую жизнь православных верующих, принадлежащих к РПЦ и старающихся выполнять рекомендации священников и правила сложившейся на сегодня церковной традиции» [Кнорре 2011: 317]. Язык церковно-приходской субкультуры (далее – ЦПС) характеризуется своеобразием и включает особые понятия, такие, как «“благословение”, “послушание”, “смирение”, “искушение”, “вина”, “недостойность”, “грех”, “благочестие”, “благодать”, “покаяние” и многие другие» [Кнорре 2011: 317].

В определении ЦПС Б. Кнорре важны, с нашей точки зрения, институциональный, психологический и когнитивный компоненты. Принимая коммуникативную концепцию субкультуры, мы бы хотели отметить, что среди множества подходов к изучению этого феномена наиболее близок социопсихолингвистике когнитивный. Он предполагает рассмотрение не списка норм, а тех ментальных структур, или познавательных конструкций, которые присущи членам субкультуры и которые «позволяют действовать правильно – в соответствии с духом сообщества – в бесконечном множестве заранее не регламентированных ситуаций» [Соколов: электр. ресурс].

Предметом нашего интереса являлась речевая продукция представителей церковно-приходской субкультуры как широкой периферии приходской субкультуры, а не «церковных людей», описанных в исследованиях А.В. Тарабукиной и М. Ахметовой. Материалом исследования стали диалоги монологического типа, собранные от 16 прихожан городских храмов с достаточно устойчивыми социальными признаками «воцерковленных прихожан»: литургическим посещением храма не реже 1 раза в месяц (11 информантов вообще не реже 1 раза в неделю присутствуют на богослужении), принятием таинств причастия и исповеди, соблюдением постов, чтением канонических форм молитв (кроме того, 9 информантов проходили катехизацию и 8 – совершают социальное служение в пользу Церкви: работают в приходе, в воскресной школе, на курсах катехизации и т.п.). В качестве фонового материала рассматривались тексты 16 невоцерковленных информантов (не принадлежащих церковно-приходской субкультуре). При интервьюировании воцерковленных задавались следующие вопросы: Вы верующий человек? Вы как-то определяете свою конфессию? Что для Вас значит быть православным христианином? Все ли Таинства Православной Церкви Вы принимаете (если не все, то какие не принимаете и

почему)? Как часто Вы бываете в храме (на литургии, вне литургии), как часто причащаетесь и исповедуетесь (если принимаете эти таинства)? Поститесь ли Вы, какие посты соблюдаете? Что такое вера? Что такое Бог? Как бы Вы могли его описать? Общаетесь (взаимодействуете) ли Вы с Богом (сверхъестественной силой, если это так сформулировано информантом) и если да, то каковы практики (вербальные, невербальные) этого общения (взаимодействия)? Какие формы молитвы Вы практикуете (каноническую, свободную) и в каких ситуациях прибегаете к той или иной форме? Обладает ли Ваша свободная молитва определенной структурой? Можете ли Вы дать пример своей свободной молитвы?

При интервьюировании невоцерковленных состав вопросов оставался примерно тем же, но последовательность их могла изменяться.

Поскольку субкультура определяется по наличию «общности менталитета», т.е. понятийных сеток, дискурса и символики, методика анализа предполагала анализ, во-первых, категориальной базы информантов (поскольку именно она отражает групповое «мировидение»), во-вторых, устойчивых нарративных схем (дискурсивных практик) и, в-третьих, использования маркированных языковых единиц.

I. Анализ категориальной базы

Мы придерживаемся подхода Анри Тэшфела и Джона Тернера [Tajfel, Turner 1986: 20] и считаем, что групповая принадлежность предполагает формирование категориальной базы. Категория в данном случае может пониматься двояко:

1) как понятие, через которое осмыслиется собственный жизненный опыт (категории 1, базовые); эти понятия (соотносимые с терминами богословия) образуют доктринальный компонент религиозности и предполагают сознательное «научение»;

2) как нетерминологические категории, через которые происходит связывание категорий; способы связывания, или стандартные модели предцирования, типа «А есть В», «А есть цель для В», «А есть атрибут В» и т.п., образуют категориальную базу – способ осмысления мира и себя в нем, принятый в данной субкультуре.

Для оценки моделей предикации использовались данные спонтанных диалогов, в которых информанты также должны были давать развернутые толкования базовым категориям («Бог», «православный/христианин», «вера») и с необходимостью вводили дополнительные категории для связывания с базовыми категориями (K1). В результате строилась семантическая сеть, где вершинными узлами являются K1, а категории обыденного сознания – «семья», «народ», «куль-

тура» (K2) и базовые категории второго порядка – «Иисус», «Троица», «Любовь» (K1.2) – выступают в качестве терминальных. Оценивалась и сила связей между категориями (которая выражалась в частоте предцирования K1+K2 или K1+K1.2), и сам набор K2 и K1.2, частично пересекающийся у воцерковленных и невоцерковленных, частично имеющий уникальный характер для той или иной группы.

Собственно для анализа выявления категорий в тексте использовался метод компонентного анализа (например, лексема «жена» считалась реализацией категории «семья», «русский» – реализацией категории «национальность» и т.п.) и метод функционального анализа синтаксических единиц для установления факта предцирования. Все категории оценивались по абсолютной частоте реализации лексем в тексте.

Рассмотрим наиболее частотные категории, выявленные в текстах информантов (в скобках указана абсолютная частота реализации в тексте). Согласно ответам воцерковленных на вопросы «Верующий ли Вы человек? Что значит быть верующим?», быть православным – значит, принимать участие в таинствах и обрядах (9), целенаправленно работать над собой (8), а также соблюдать этические нормы и заповеди (5). Например: *Но при этом важно не просто формально принадлежать к православной церкви, важно ещё пытаться как-то изменять себя при этом* (муж., 26 лет); *Это значит исполнять заповеди, вот, Божьи заповеди* (жен., 57 лет).

Наиболее частые ответы невоцерковленных на аналогичные вопросы показали нередко отмечаемую исследователями тенденцию к связыванию религиозной и этнической идентичности, внеконфессиональность или принятие иных религий: *Ну все, наверное, кто проживает на территории Русского государства, определяют свою конфессию как православную* (жен., 40 лет); *Ну, вот я к христиана... к христианской религия, да, хотя мне очень... не отрицаю других религий. Не отрицаю я буддизм, вот когда я был в Таиланде, мне очень [интонационно выделяет] понравилась эта религия. Если бы я жил в Таиланде, я бы, наверное, стал буддистом [улыбается]. Хорошая, мягкая такая религия. Вот. Ну, мусульманство... мусульманство, значит, для меня это такая религия, ну, тоже, с уважением к ней отношусь, много в ней всего такого, то есть у каждого своя религия, ничего против мусульманства я тоже не имею, но, если так смотреть, вот я, значит, христианин, вот. Ну, чё ещё, всё, наверное, все три религии* (муж., 54 года).

На просьбу определить, что такое вера, воцерковленные информанты чаще всего отвечали

синонимами или тавтологией (10): *Я просто верю и всё. Я никогда не ставлю для себя какую-то цель, это такое, что такое вера. Я просто верю* (жен., 52 лет); либо определяли веру как индивидуально-психологическое состояние (6): *Но не знаю. Состояние души, что ли* (муж., 33 года). Очевидно, что для воцерковленных категориальная база для понятия «Православие» сформирована (в результате катехизации), а вера остается фактом индивидуальной духовной жизни, т.е. православие и вера как категории не слиты, вера находится на периферии понятийного поля воцерковленного человека.

Невоцерковленные информанты понятие «вера» в целом определяли аналогично, однако чаще дополнительно упоминали наличие этического компонента, соблюдение заповедей или работу над собой: *Это определённый образ жизни, следование определённым законам поведения, нравственным, этическим, наверно, из этого вера складывается* (жен., 40 лет); *...Придерживается определённых каких-то позиций и, ну, поведенческого характера... поступки... поступки и совершает определённые поступки. То есть это образ мыслей, образ действий и порядок действий, которые совершает человек в этой жизни* (жен., 59 лет).

Определение Бога через его атрибуты является общей чертой и для воцерковленных, и для невоцерковленных: *Это э-э там безгрешный и всемогущий, скажем так, вот* (муж., 33 года). Вместе с тем высокая частота определений «Бог – это творец» (6) и «Бог – это Троица» (4) свойственна только знакомым с догматикой воцерковленным. Невоцерковленные же чаще определяют Бога в связи с индивидуально-психологическими состояниями (как самоотражение или собеседника). Кроме того, только невоцерковленные дают определения Бога, прибегая к философским или научным понятиям: *Некое такое эмерджентное свойство, которое по своему определению этого понятия, оно отсутствует в нас в каждом конкретном* (муж., 34 года).

Что касается молитвенных практик наших информантов, интересно, что воцерковленным мужчинам свойственно резко негативное отношение к свободной молитве (т.е. неканонической молитве «своими словами») (6), при этом воцерковленные женщины более терпимы. В целом воцерковленным свойственно стремление к каноничности и неприятие «светских» форм проявления веры, что отражается и в их интервью через противопоставление православия и его практик иным религиям: *Потому что можно далеко зайти с этими свободными формами*

(муж., 48 лет); *Ну, это я не знаю, может, протестанты там используют как-то свои там, да, а мы, в частности, православные в основном канонические такие* (муж., 27 лет).

Как видим, категоризационные базы воцерковленных и невоцерковленных имеют различия, обусловленные групповой принадлежностью индивидов: воцерковленные демонстрируют усвоение ритуального и доктринального компонентов религиозности, невоцерковленные делают акцент на индивидуальных психологических состояниях.

II. Анализ нарративных схем

В качестве «дискурсивных» признаков субкультуры анализировались нарративные схемы. Джером Брунер в качестве структурных компонентов наррации называет людей, атрибуты себя, атрибуты других и события [Bruner 2003: 28]. По мнению исследователя, нарратив совмещает две стратегии – линейную (последовательность событий) и нелинейную (осмысление событий в терминах «интенциональных состояний», иными словами, оценок) [Bruner 2003: 32].

Нарративный анализ включает в себя определение общей схемы построения текста и в качестве методики предполагает выявление

1) содержательных категорий, реализуемых лексемами с близкой семантикой, на основе устойчивого повторения которых делается вывод о схемах сюжетостроения, организующих композиционную структуру текста – последовательную (ретроспективную или проспективную) или ассоциативную (нелинейную);

2) коммуникативно-прагматических особенностей или риторических средств – характерных способов организации текста, которые информант использует для реализации схемы.

Для установления схемы сюжетостроения анализировались наиболее частотные лексические компоненты со сходной семантикой, однако, в отличие от категориальной сетки, сюжетную схему организует обычно служебная лексика, прежде всего союзы. Линейная схема поддерживается временными союзами, наречиями и существительными со значением времени. Нелинейная схема поддерживается противительными и уступительными союзами, которые и оформляют конструкции противопоставления «Я» и «Идеального верующего». Стандартное оформление схемы оценивалось по использованию субъективно-модальных средств, прежде всего наречий и прилагательных. Необходимость анализа оценочного компонента текста связана с тем, что ассоциативная сюжетная схема помещается в разные модальные рамки в зависимости от социальной принадлежности информанта: у во-

церковленных – в негативно-оценочную модальную рамку, у невоцерковленных – в нейтральную или положительную.

Самая частотная нарративная модель у воцерковленных информантов – это линейная модель, при которой происходит припоминание каких-либо событий, значимых для становления веры, в прошлом. Она может иметь две разновидности: модель последовательного движения к вере или последовательного «отпадения от веры».

Более частотная разновидность – модель последовательного движения к вере (реализована у 5 воцерковленных мужчин и 3 женщин); она маркирована и лексикой с семантикой временных отрезков и семантикой пути, и синтаксическими временными конструкциями: *Конечно, не сразу там со всеми, как говорится, это всё... всё, всё **приходит постепенно, вот, поэтапно.** Не знаю, может, есть какой-то человек, который сразу всё, весь «Символ веры» принял и сказал: «Всё, там, верю, да, да, я согласен, всё так и есть». Ну в принципе, вот хотя бы, по крайней мере, в моём случае это было, наверно, **постепенно, поэтапно, вот... и то есть определённые какие-то... **принятия частями** какими-то, что ли, то есть **сначала** са... сама идея того, что Бог действительно есть, **потом** вопрос в том, какая же вера более правильная, где же истина, вот. Различные там **поиски** духовные, а **потом принятие** вот именно того, что проповедует русская православная церковь*** (муж., 48 лет).

Среди текстов воцерковленных информантов имеется также 1 линейный нарратив, но не проспективный (возрастание), а ретроспективный, когда точка в прошлом имеет абсолютно положительную оценку, а настоящее оценивается негативно: *Ну я стараюсь... до семинарии и в семинарии, конечно, я часто это... сейчас какие-то работа там, учёба, я, ну, стараюсь каждое воскресенье, в основном, наверно... ну, и в праздники там, конечно же, на Пасху там, во время Великого Поста там... почаще стараюсь, но не всегда получается, конечно. В общем-то вот. Конечно, после семинарии **вот эта благодать, которая вот была** вот именно... постоянно в церкви, постоянное богослужение, это, конечно... так... **после этого и оказаться в миру это очень, конечно, скорбно.** И отец Николай... как Парамонов... говорил Сергию [неразборчиво] в Санкт-Петербурге, **когда человек лишается вот этой благодати, он просто страдает.** Это так и происходит, в принципе* (муж., 27 лет).

К промежуточному (линейно-ассоциативному) типу отнесем текст воцерковленной женщины старшего возраста, в котором каждое событие

(воспитание детей, работа в приходе, посещение храма за Камой, рождение внучки) понимается как часть духовной жизни, при этом развития, движения в тексте нет: отсутствуют указания на время и лексемы движения. Это текст статичный, и каждое описываемое событие – не этап, но отражение статичных отношений с Богом: *Например, раньше, у меня дети когда учились, мне подруги говорят: «Как ты вообще за них не... не боишься, не провожаешь в школу», всё у меня просто их было трое, жил у меня ещё племянник. Я говорю: «Я всегда, когда он уходит, ребёнок, я ему **всегда** гово... говорю: “Иди с Богом”, и я **всегда** знаю, что с ним ничего не случится». **Я всегда верю в это, что это самое, если я сказала: “Иди с Богом”, я всегда знаю, что я **отдала его в руки Божьи**** (жен., 54 года).*

По-видимому, нарративная модель является социально маркированной и, как и категориальная сетка и текстовая компетенция, может быть основанием для определения групповой принадлежности информанта. Линейный нарратив «движения» свойствен именно воцерковленным (и мужчинам более, чем женщинам): вероятно, метафора пути к Богу для самоосмысления жизни свойственна религиозному сознанию. Возможно, эта метафора может быть возведена к словам Иисуса из Евангелия от Иоанна (14:6) «Я есть путь и истина и жизнь», которые активно используются в катехизаторской деятельности для обоснования практического компонента веры. Кроме того, данная модель соотносится с категориальной моделью верующего, включающей деятельность и работу (имеет у воцерковленных мужчин 1 ранг).

Нелинейная нарративная схема представляет собой выявление черт «Я» на основании сравнения с «идеальным» нормативным образом верующего. Модель сравнения с образцом и негативной оценкой себя представлена в текстах 6 воцерковленных женщин – на протяжении всего текста используется синтаксическая конструкция противопоставления: *Тут, видите, дело в том, что когда говорят о том, что получается или не получается, тяжело или легко, если тяжело, это значит **уже как бы не** получается. **Но если** совсем через себя человек переступает... Но он, конечно, молодец, что он переступает, **но значит, что это он... в нём вот не... что-то не дозрело** (жен., 29 лет). Данная нарративная схема предполагает реализацию и сравнительных конструкций, и модальных лексем.*

По-видимому, схемы наррации включают метафорические модели («Я» – путь, «Я» – целостность), служащие основой композиции целого текста и выражаемые частотными лексико-

синтаксическими средствами, а также модальную рамку для этих моделей, выражаемую лексическими оценочными средствами. Нарративные схемы имеют когнитивное основание и отражают тип сознания индивида. Соответственно, они имеют социальную обусловленность: линейный нарратив пути представлен у воцерковленных мужчин, нелинейный тип сравнения с образцом при негативной оценке «Я» – у воцерковленных женщин, нелинейный тип сравнения с утверждением «Я» наблюдается у небольшого числа воцерковленных женщин и практически у всех невоцерковленных.

III. Исследование лексикона субкультуры

Наконец, в качестве показателя приходской субкультуры исследовалось использование специального «лексикона» – маркированной лексики, имеющей терминологический характер (богословские и церковные термины) или являющейся маркированными по происхождению синонимами общеупотребительных лексем (своего рода церковные жаргонизмы, не имеющие сниженной окрашенности).

В прагматике и стилистике рассматриваются стилистически маркированные средства русского языка, восходящие к церковнославянскому языку богослужбных книг. Обратим внимание на характер стилистической маркированности: учёными утверждается «высокий» характер этих разноуровневых средств, а в связи с широким применением их в поэзии выявляются также коннотации «поэтизм» (см. [Винокур 1959; Дьячок 1983; Копорская 1988; Мусорин 2000; Улуханов 2004 и др.]).

Стилистическую функцию маркированной лексики можно обнаружить в текстах воцерковленных. У них количество маркированных единиц составляет около 6% от общего числа знаменательной лексики (что крайне много!), у невоцерковленных – всего 1,6%. Кроме того, все воцерковленные информанты «заполняют» свой текст маркированными единицами, тогда как у невоцерковленных на маркированность оказывают влияние такие факторы, как образование и гендер (встречались невоцерковленные информанты, которые вообще не использовали маркированную лексику). Существенным отличием воцерковленных считаем количественное преобладание литургической лексики, которая включает следующие компоненты:

1) временные номинации (в том числе церковные праздники и посты): *Двенадцатые праздники* (2), *среда-пятница*, *Успенский пост* (2), *Великие праздники*;

2) ритуальные действия годового цикла и дневного цикла: крайне частотной (абсолютная

частота 35) является единица (*молитвенное*) *правило* (с возможным уточнением по времени совершения или по авторству – *утреннее* и *вечернее* и *Серафимовское* или *монашеское*); единица *литургия* имеет абсолютную частоту 7; единица *таинства*, зафиксированная в виде одной лексемы или терминологического образования, характеризующего типы православных таинств (*соборование*, *евхаристия*, *отпевание*, *миропомазание*, *крещение*, *венчание*) имеет частоту 6;

3) церковные тексты и речевые действия: *молитва* (15), *канон* (11), *молитвослов* (4), *молитвочка*, *первый*, *третий*, *девятый*, *шестой час*, *покаянная молитва*, *псалмы*, *Псалтирь*;

4) «агенты» религиозной группы: *священство* (3), *сестры* (2), *миряне*, *мир* (*в миру*);

5) номинации ритуальных предметов: *икона* *такая писанная*, *подсвечники*, *просфорки*.

Самую крупную группу лексики воцерковленных составляет так называемая религиозная лексика – терминологизированная в разной степени, но связанная с выражением основных компонентов вероучения или создающая эффект «разговора о сокровенном».

1. Наиболее терминологизированную группу составляют лексемы-богословские термины:

а) атрибуты Господа и перифразы имени Господа по атрибутам – *вездесущий* (3), *всемогущий* (3), *милостивый* (3), *Троица* (3), *сущий* (2), *безгрешный*, *воля Божья*, *дух бестелесный*, *единица*, *промыслитель*, *целитель*, *троичность*, *троичный*, *Царствие Небесное* (их маркированность обусловлена сохранением у терминов церковнославянской формы);

б) богословские термины-категории Православия: *благодать* (*Божья*) (5), *ипостась* (4), *Божий промысел* (3), *Плоть и кровь Христа/Христовы* (3), *сущее* (3), *благо*, *богообщение*, *вероучительные истины*, *обожение*, *спасение*.

2. Менее терминологизированную, но высокомаркированную (в силу происхождения) группу лексики составляют этические категории, характеризующие деятельную веру (отношение человека к Богу) или грехи – *благодарение* (6), *незримо* (3), *благословение* (2), *благословит* (2), *деяния* (2), *душа очистится* (2), *покаяние* (2), *усердие* (2), *хвала* (2), *благоговение*, *благодеяние*, *бороться со страстями*, *воздаяние*, *восхваление*, *вразумить*, *вразумление*, *жизнь благодетельная*, *(действовать) зримо-ощутимо*, *памятовать*, *самоотвержение*, *славить* (*Господа*), *славословие*, *соблюдать тело*, *сподобляться*, *упование*, *уповать*, *чистые помыслы*. Часть данной лексики является полисемичной и реализуется вне религиозного дискурса в иных значениях – *пости-*

гать (3), крепчать, укрепляться (о вере), нудить (себя), отдать в руки Божию, понуждать (себя), подстрекать (себя), прошение, творить добро. Также упоминаются лексемы, связанные с грехами – *грешен, роптание, уныние*. Крайне частотна лексема *вычитывать/вычитать*, характеризующая молитвенно-ритуальные действия (абсолютная частота – 13).

3. Еще одну группу образует лексика, маркированная по происхождению, но обозначающая понятия, имеющие лексические синонимы в общеупотребительной лексике. Эта группа необходима как средство организации дискурса. Называя жизненные проблемы, трудности скорбями, человек тем самым осмысляет себя через религиозную сферу, «вписывает» свою жизнь в религиозные рамки, а также организует свой текст как разговор о высоком, а не повседневном: *ближний* (близкий), *гнетет* (мучает), *здравие* (здоровье), *злато* (деньги), *ибо* (потому что), *испрашивать разрешение* (просить), *кладезь* (источник), *лукавство* (обман), *малое* (повседневные дела), *нездравый* (неразумный), *помыслы* (мысли), *пребывать (с матерью)* (быть), *скорбно, скорбь* (проблемы), *скоромное* (белковая пища), *следовать* (учебе) (проходить), *убиенная пища* (мясная), *церковь обрастает золотом* (богатеет). Это стремление к стилизации порой приводит к явной избыточности и контаминированности текста, где сочетается и семантический библеизм, и синтаксическая инверсия, и паремия: *свыше, там, какие-то... головы нашей, как говорится, не прыгнешь* (муж., 38 лет).

4. Отдельную лексико-семантическую группу образуют устойчивые метафорические модели, используемые для характеристики духовной жизни. У воцерковленных это модели, связанные с сердцем и жаром: *от (чистого) сердца* (3), *жар в сердце, жаркая молитва, что к сердцу лежит*.

Лексическое наполнение (и качественное, и количественное) может служить основанием для группового отнесения индивида. Воцерковленные демонстрируют текстовую компетенцию и владение категориями вероучения, текстовая компетенция невоцерковленных в церковной сфере небогата и зависит от специальности и гендера (гуманитарии демонстрируют большее знакомство с текстами, чем негуманитарии, а мужчины – большее, чем женщины).

Простой лексико-семантический анализ текстов позволяет говорить о сформированности или несформированности категориальной базы в той или иной сфере: воцерковленные владеют и базовыми категориями вероучения (К1), и категориями деятельной веры (К1.2), кроме того, стремятся осмыслить свою повседневную жизнь

с помощью маркированной лексики (К2). У невоцерковленных вообще не сформированы К1, незначительно представлены К1.2, однако стилизация текста для создания эффекта «разговора о высоком» некоторым информантам все же свойственна.

С нашей точки зрения, описанные три методики (анализ сети категорий, анализ схем наррации, анализ маркированной лексики) могут являться инструментом анализа субкультурной принадлежности: сеть категорий прямо отражает тип интерпретации действительности, принятый в данной субкультуре, выводит на уровень сознания; схема наррации связана с типом сознания потому, что представляет собой метафорическую модель осмысления себя и мира (жизнь как путь или жизнь как компоненты целого); маркированная лексика выступает формой выражения категориальной сетки и схемы наррации, кроме того, выполняет символическую функцию – отграничение члена своей группы от «чужака».

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда Президента РФ по грантам, проект МК-1286.2012.6.

² «Церковные люди» – самоназвание представителей описываемой субкультуры

Список литературы

Агаджанян А., Русселе К. Предисловие // Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь мир, 2011. 368 с.

Ахметова М. Конец света в отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ, 2011. 336 с.

Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. уч. пед. изд-во, 1959. С. 443–459.

Дьячок М.Т. О соотношении значений греческих и славянских слов в древнерусских переводных памятниках // Историческая лексика русского языка: сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Федоров; Сиб. отделение Ин-та истории, филологии и философии АН СССР; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1983. С. 71–77.

Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1988. 232 с.

Мусорин А.Ю. Церковнославянский язык и церковнославянизмы // Наука. Университет.

2000: матер.науч. конф. / отв. ред. М.Ю. Кузнецов. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2000. С. 82–86.

Кнорре Б. Категории вины и смирения в системе ценностей церковно-приходской субкультуры // Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь мир, 2011. С. 317–340.

Соколов М. Как писать этнографию молодежной субкультуры. [Электронный ресурс]. URL: <http://subculture.narod.ru/texts/unpublished/sokolov.htm> (дата обращения: 15.11.2013).

Тарабукина А.В. Фольклор и духовная культура «церковных людей»: опыт исследования современного фольклора: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books>

/Tarabukina/arina_tarabukina.html (дата обращения: 15.11.2013).

Улуханов И.С. Славянизмы в русском языке (глаголы с неполногласными приставками). М.: ООО «Управление технологиями», 2004. 268 с.

Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. 286 с.

Bruner J. Self-making and world-making // Narrative and Identity: Studies in autobiography, Self and Culture / eds. J. Brockmeier, D. Carbaugh / Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins pub. 2003. P. 26–39.

Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of inter-group behavior // Psychology of Intergroup Relations / eds S. Worchel, L.W. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

METHODS OF LINGUISTIC ANALYSIS OF PARISH SUBCULTURE

Ekaterina S. Khudyakova

Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State National Research University

Ekaterina V. Pepelyaeva

Junior Researcher of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State National Research University

The paper describes three linguistic analysis techniques that can be used for studying parish subculture. On the basis of the cognitive approach to subculture the method of informants' categorical framework analysis (fixing the type of interpreting reality, characteristic for the subculture members), the method of narrative schemes analysis (showing text models, acquired within the subculture) and the method of specific lexicon analysis (implementing category) are offered. It is shown that linguistic methods can be a reliable tool for studying subcultural formations.

Key words: parish subculture; linguistic methods; cognitive sociology; category; narrative scheme; lexicon.